

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.001

НАЧАЛО ОСЕТИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ

Светлана Ахсарбековна Айларова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, отдел истории, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-5098-5077>; aylarova54@mail.ru

Статья посвящена анализу осетинской историографии начала XX в. В центре внимания – историографическая полемика о духовном основании исторического пути, пройденного Осетией, о ее религиозной идентичности. В рамках двух дискурсов – православно-христианского и «традиционно-народного» – первые историки утверждали религиозные ценности в современной Осетии, стремились опереться на созидательные принципы сплочения общества. В стремлении к европейской и российской интеграции общества просветители опирались на разные стороны национальной традиции, представили разные формы культурно-исторической идентификации. Христианские историки А. Гатуев и А. Кодзаев представили целостную картину истории христианства у осетин и их предков, констатировали древность осетинской христианской истории и традиции. С. Темирханов настаивал на монотеистической основе древней «народной» религиозной традиции, индоиранской по своим истокам. Эта традиция, по его мнению, образовала фундамент этнической индивидуальности, сформировала ядро ценностного мира осетин. Первые осетинские историки подчеркивали в истории Осетии традиции солидарности, единения, воспитываемые христианством и традиционной религией. Это было востребовано общественным сознанием формирующейся нации, столкнувшейся с деструктивными, атомизирующими социум тенденциями рыночной реальности. Сама постановка проблемы религиозно-культурной идентичности была реакцией осетинской общественно-исторической мысли на объективные процессы мировой модернизации и глобализации, происходившие в XIX – XX вв., и противоречивое участие в них Осетии и Северного Кавказа. Труды историков-просветителей свидетельствуют о зрелости исторического сознания осетинского народа, демонстрируют глубину и разносторонность историко-культурных потребностей гражданского общества Осетии начала XX в.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Осетия, осетинская историография, культурная идентичность, межрелигиозный диалог.

Для цитирования: Айларова С.А. Начало осетинской историографии: идентичность и межрелигиозный диалог // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 16(23). С. 36-47. DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.001

Введение

Северный Кавказ, как и Россия в целом, является полиэтничным и поликонфессиональным феноменом, и имеет богатый опыт мирного сосуществования разных религий. Исторически в российских регионах сложились особые формы религиозных связей, не нарушающие конфессиональной идентичности. Такой межконфессиональный диалог исключал поиски догматического единства и общность духовных практик, но позволял совместно решать определенный круг проблем, например, духовно-нравственное развитие общества, а с конца XIX – начала XX в. – проблемы социальной и экономической модернизации северокавказских обществ.

Осетия XIX – начала XX в. в конфессиональном отношении была обществом, где взаимодействовали православие, ислам и традиционная (народная) религия. Такая необычная для Северного Кавказа поликонфессиональность внутри одного этноса нашла свое отражение в осетинской общественной мысли, где определились три духовно-культурных дискурса: православно-христианский (А. Гатуев, А. Кодзаев), исламский (А. Цаликов, А.-Г. Датиев), традиционный (С. Темирханов). Каждый из этих дискурсов демонстрировал стремление авторов утвердить определенные религиозные ценности, цели в истории Осетии и в ее современности, и в то же время опереться на созидательные принципы для развития диалога, сплочения общества.

Пространство межрелигиозного диалога в общественном сознании осетинского общества начала XX в. представляла историографическая полемика о духовном основании исторического пути, пройденного Осетией, о ее религиозной идентичности.

Общество, становящееся на путь модернизационных преобразований, ощущает необходимость обрести масштабный исторический взгляд, открывающий ему перспективу, задающий направленность, соединяющий его настоящее, актуальную современность, с прошлым и будущим, находя им место в длинной цепи исторических событий. Обновляющееся осетинское общество конца XIX – начала XX в., переживавшее культурный подъем, жаждало обрести национальное самосознание, осмыслить свою культурную самобытность, исторический путь осетинского народа, его место в «большой» истории. Поиск своего места в динамичном мире начала XX в., новых смыслов жизни, современных исторических целей для осетинского общества, не столь давно вышедшего из многовековой

изоляции и неподвижности, было невозможно без определенной преемственности с традицией. Решение проблемы культурной идентичности для осетинского общества было не просто интеллектуальной прихотью – а играло важную роль в его ориентации в современном мире, российском и всемирном историческом процессе. Сама постановка проблемы культурной идентичности была реакцией осетинской общественно-исторической мысли на объективные процессы мировой модернизации и глобализации, происходившие в XIX – XX вв. и противоречивое участие в них Осетии и Северного Кавказа.

В стремлении к российской и европейской культурной интеграции осетинское общество в лице выразителей его самосознания – интеллигенции – представило разные формы культурно-исторической идентификации, опиралось на разные стороны национальной традиции. Просветители, стоявшие у истоков осетинской историографии, первые христианские историки – Алексей Гатуев и Александр Кодзаев – увидели основу национальной идентичности и возможность российской и европейской интеграции в христианстве, сопровождавшем алано-осетинскую историю на протяжении двух тысячелетий. Осетины – христианский народ, воспитанный гуманистическими идеалами православия, полноправное звено и участник всех драм и трагедий христианской истории [1; 2]. – «Вся европейская цивилизация, со всеми великими ее началами, есть плод влияния христианства, и развивается под его сенью», – писал А. Гатуев [3, 106]. Христианство должно стать основой национальной консолидации, просвещения и современного развития народа – считали христианские мыслители Осетии.

С другой стороны, историк Сослан Темирханов (писавший под псевдонимом «Вано») развивает альтернативную концепцию осетинской идентичности, увидев ее основания в глубинных пластах этнической культуры и духовности, самобытной монотеистической религии, особенностях народного характера и ментальности. В своей книге «Иры истори» («История осетин»), вышедшей в 1913 г., историк-просветитель доказывает, что самобытное духовно-ментальное ядро осетинской культуры определило логику национальной истории, диктовало формы общественной солидарности и государственного устройства, этического и эстетического восприятия мира и творчества. Древняя религиозная традиция и духовное своеобразие народа в тесной взаимосвязи образовали фундамент осетинской национально-культурной индивидуальности, ее самореализацию и самоутверждение в истории [4].

В данной статье мы остановимся на православной и «традиционно-народной» составляющих этой своеобразной дискуссии.

Основная часть

Началу осетинской историографии – трудам «Христианство в Осетии» протоиерея Алексея Гатуева и «Древние осетины и Осетия» Александра

Кодзаева – присуща особенность христианской историографии – глубокая связанность с богословием, являющейся ее органической частью. В то же время, это исследования, затрагивающие многие стороны гражданской и государственной жизни алано-осетинского общества, показывающие общую картину жизни социума в течение больших исторических периодов, – поэтому они имеют общекультурную, гражданскую ценность для истории осетинского самосознания.

Историки получили богословское образование – А. Гатуев окончил Тифлисскую духовную семинарию в 1867 г.; А. Кодзаев – Санкт-Петербургскую духовную академию (1902 г.) – и были церковными администраторами, миссионерами, педагогами. А. Гатуев имел заслуги священнослужителя, выдающегося проповедника и миссионера. Его работа «Христианство в Осетии» (1891) освещает целый спектр проблем новой истории христианства в Осетии XVIII–XIX вв.: деятельность православных миссий в ходе русско-кавказских отношений, результаты их деятельности, крещение осетинского населения, реставрация и строительство храмов, открытие приходских школ, катехизация, борьба с «языческими» традициями и обычаями, трудности повседневной жизни осетинских приходов, борьба с мусульманской пропагандой, формирование осетинской церковной интеллигенции.

В своем исследовании историк-клирик коснулся начальных этапов распространения христианства среди предков осетин, охарактеризовал роль православия в истории Алании X–XIII вв., особо подчеркивал ту роль, которую играло христианство в воспитании аланского общества, преодолении феодальных традиций изолированности и раздробленности. Особый интерес представляет обзор всех «вещественных» и духовных следов христианства в культуре осетинского общества после гибели Алании и деградации аланского православия: ритуалы, праздники, народный календарь, христианский пантеон, развалины православных храмов.

Христианская социальная культура, идеи мироустройства и иерархии выстраивали ткань аланской государственности. С гибелью Алании в результате татаро-монгольского нашествия в XIII в., а затем погрома аланского населения войсками Тамерлана вся эта утонченная культура погибла, а общество рассыпалось на мелкие феодальные локусы.

«Религия христианская пала, и вместо прежнего единодушия и стремления к процветанию на почве чисто христианско-религиозной восстановилось кулачное право и совершенная анархия. Осетия распалась на мельчайшие группы, которые начали жить каждая своей жизнью, обычаями и верованиями». Христианская сплоченность алан-осетин исчезла, единая духовная общность распалась на мелкие общины, потеряла импульс к развитию. Но историк снова и снова повторяет – «только христианство свяжет осетин братскою любовью, внесет в жизнь благоустройство и порядок, заставит их встать под знаменем свободы...» [3, 28].

Политическое освоение Россией Северного Кавказа включало и духовную составляющую – деятельность христианских миссий: Осетинской духовной комиссии и особенно «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» (1860 г.). Охарактеризованы все миссионерские акции этих организаций – восстановление древних церквей, открытие духовных образовательных учреждений в регионе. В работе приведен полный текст удивительного документа – инструкции, где формулировались принципы и правила миссионерской деятельности, в частности, строжайше исключались в проповеднической деятельности любое насилие и принуждение.

Довольно обстоятельно развернут и важный сюжет исследования – связанность христианизации с просвещением. В деятельности «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» в Осетии особенно наглядно проявилось единство этих двух составляющих миссии – духовной и культурно-цивилизационной. «Общество восстановления Православия на Кавказе согласно Высочайшей воле приняло преимущественно религиозное направление, имея в виду, что христианская религия есть для осетин неоцененное благо не потому только, что оно создает его для вечной жизни, но потому еще, что она даст ему все земные блага устроенной гражданственности, – писал Гатуев. – Общество хорошо сознавало это и в деятельности его видим две стороны: а) чисто религиозная – миссионерская (сюда вошло сооружение в Осетии церквей, улучшение быта духовенства, переводы и печатание церковно-богослужебных книг) и б) сторона цивилизационная (забота Общества об образовании осетин, об учреждении в разных учебных заведениях стипендий для осетин)» [3, 106].

Внушительно выглядел итог более чем полутора столетней миссионерской деятельности Церкви в Осетии: возрожденная церковь, сеть церковно-приходских школ, воспитавшая грамотное население, многочисленная осетинская церковная и светская интеллигенция. Евангельское слово зазвучало на осетинском языке. В начале XX в. «во всех церквах богослужение начало совершаться на осетинском языке. Это произвело на христиан-осетин благотворное действие» [3, 102]. Осетинский язык, отточенный в высоком «регистре» миссионерско-богословской литературы, теперь уже свободно зажил в светских текстах.

Христианство как главная составляющая этнической и цивилизационной идентичности осетин предстает и в труде «Древние осетины и Осетия» молодого ученого А. Кодзаева [5]. В его монографии по истории Осетии получили освещение практически все аспекты древнего этапа существования аланской государственности, культуры, общественной и духовной жизни. Как самостоятельные сюжеты исследования представлены обзоры проблем этногенеза осетин, эпоса и мифологии, традиционной религиозной системы.

Автор не ограничился только адаптацией богатейшего материала трудов российского исследователя аланского христианства Ю.А. Кулаковско-го. Самостоятельная задача, которую поставил осетинский историк: показать социально-воспитательное влияние христианства на жизнь народа во все периоды существования православия у алан. Христианизация, евангелизация народа стали фактом истории, причем на всем пространстве расселения народа – и в Европе, и в Азии, и на Кавказе.

Научная проблема, где Кодзаев также стал первопроходцем, – единство истории аланского христианства и аланской государственности. Такое же строго научное требование он предъявил и к периодизации истории христианства в Алании-Осетии, в основе которой рубежные события аланской и европейской истории.

Сокровенная мысль просветителя – убежденность в глубоком проникновении христианства в ткань культуры аланского этноса. Именно духовное наполнение аланской истории, по его мнению, было ее смыслом и истинным содержанием. «К таким светлым страницам, без сомнения, относится постепенное усвоение народом христианской культуры... – христианизация народа, проходящая через всю его историческую жизнь, претерпевая в своем развитии то благоприятные, то неблагоприятные условия» [2, 58].

Кодзаев представил реконструкцию всего процесса христианизации алан, от первых эпизодических контактов с христианскими народами во время Великого переселения народов до последовательной христианизации алан со стороны Византии и Грузии. С гордостью он пишет о том, что христианская Алания с начала X в. была достойной частью Византийского цивилизационно-конфессионального сообщества, ее правящая элита обрела международное влияние, высокий статус в иерархии православных царей. Церковь Алании стала митрополией в составе Константинопольского патриархата, в стране появились христианские храмы и монастыри, иерархи Аланской церкви участвуют в работе Вселенских церковных соборов [6, 127].

Никакие последующие исторические трагедии – нашествие татаро-монгол, а затем погром Алании Тамерланом – не стерли из памяти народа евангельские истины, которые хранились в рамках «народного» христианства. Лишенные миссии, церкви, священнослужителей осетины сберегали христианское наследие в течение нескольких веков. В таком религиозном состоянии и застают их русские миссионерские организации в конце XVIII в.

Кроме достаточно подробного освещения всей событийной «канвы» аланской истории (что свидетельствовало о глубокой проработке источников), Кодзаев впервые самостоятельно поставил еще одну историческую проблему – «внутреннего состояния христианства в стране алан, к форме

и степени проникновения христианства в жизнь народа» [2, 86]. Опираясь на глубокий анализ литературы, историк доказывал, что православие было принято всем аланским обществом, не только правящей верхушкой. «Несмотря на последовавшее мусульманское влияние, следы христианства доселе живы во всех сторонах жизни осетин, как религиозной, так и общественно-семейной. Это явление нельзя объяснить случайными обращениями отдельных племен в христианство, имевшими место до IX в. Не умирает в жизни народов только то, что было некогда присуще всем» [2, 90].

Осетинский историк последовательно отстаивал свой тезис о глубокой христианизации Алании: «Некогда процветавшее христианство в Осетии оставило крупные следы и ...продолжает существовать и влиять на все стороны жизни» [2, 91]. Разнообразные материальные и духовно-культурные памятники православия, представленные на всей территории исторической Алании и во всех сферах жизни осетинского общества, свидетельствовали о том, «как прочно насаждено было христианство в период Аланской митрополии» [2, 102].

Итак, в своих трудах по истории Алании-Осетии первые осетинские историки попытались представить целостную картину истории христианства у осетин и их предков. Ученые констатировали древность осетинской христианской истории и традиции, и ее способность стать основой современного развития этноса, его интеграции в российскую цивилизацию.

В ходе революции 1905-1907 гг. в российском обществе усилились антиклерикальные настроения, которые были явственны и на северокавказской окраине, Осетии, и проявлялись в позиции части осетинской либеральной интеллигенции, отрицавшей влияние Православной церкви на просвещение и культуру. В рамках этих настроений налицо был интерес к традиционной составляющей духовной культуры этноса, «народной религии осетин», определяемой обычно в церковной историографии как «язычество».

Ярким представителем этого направления исследований было творчество Сослана Темирханова, настаивавшего на монотеистической основе древней народной религиозной традиции, индоиранской по своим истокам.

Именно древняя религиозная традиция образовала, по его мнению, фундамент этнической индивидуальности, сформировала ядро ценностного мира осетин, основу их самостоятельности в истории.

«Хотя осетины официально числятся христианами и мусульманами, но до сих пор они держатся религии своих предков, согласно которой верят в Единого Бога, Творца Мира, в существование души и загробного мира, и в мир духов, подчиненных Богу», – пишет Темирханов в очерке «Народная религия осетин» [4, 148-149]. Просветитель подчеркивает неканонический характер древней традиции, самобытность ее ритуальных и обрядовых

форм. «Эта религия осетин не знает ни храмов, ни идолов, ни священнического сословия, ни священных книг. Взамен священных книг она имеет мифологию, полную безыскусственной поэзии, возбуждающей ту святую искру, которая поднимает человека, освещает и греет его душу, заставляет его стремиться к добру и свету, дает ему мужество и силы безбоязненно бороться со злом и пороком, вдохновляет его к самопожертвованию для блага ближних» [4, 149]. Основа религии – культ Бога-Творца, Создателя Вселенной, сосредотачивающего всю духовную мощь и нравственную чистоту. Небесные силы, духи и ангелы, частицы его духовной силы, проявление божественной мощи.

Духовно-религиозная наполненность проявлялась во всей жизни общества, формировала его единство и взаимопомощь. «Все религиозные празднества осетин служат развитию солидарной общественности и представляют из себя общественные трапезы на религиозной подкладке. За общим трапезным столом садятся все на равную ногу – и последний бедняк, и первый богач, и знатный, и простой, и во имя покровителей-духов вкушая хлеб и яства, проводят трапезу в собеседовании о светлых духах-дзуарах, о мифических предках нартах и о подвигах народных героев, а также об общественных и национальных делах. Все это создает атмосферу общего подъема и содействует взаимному пониманию и духу единения» [4, 150].

Эта религия лежала в основе демократических традиций общества, человеческих качеств рядового общинника, поддерживала благородство во взаимоотношениях людей. «Благодаря этому люди различных общественных положений составляют одно широкое общество, встречаются как равные, бывают друг у друга, и пиршества, и увеселения проводят вместе. Это общение поднимает умственный кругозор бедных и необразованных осетин, не знакомых с жизнью культурных центров, а интеллигенции не позволяет оторваться от народа и превратиться в узкий замкнутый круг. Этим же общением вызывается взаимопомощь, сильно развитая у осетин, и уважение человеческой личности, и вообще терпимость к другим, и как следствие всего этого – выдержка и такт во взаимоотношениях и общественная дисциплина» [4, 151]. Духовное наследие предков воспитало стойкость духа осетин в их драматической истории, непоколебимую уверенность в лучшем будущем для народа. «Эта религия – та сила, которая поддерживала несокрушимость духа осетин в их титанической борьбе со стихийными бедствиями гор и их бесплодием, а также и засилием врагов, не дававших им возможности свободно вздохнуть» [4, 151].

Блестящее изложение мифологии и религиозной философии индоариев Темирханов находил в древних текстах Авесты и гимнах Риг-Веды, часть из которых перевел на осетинский язык. В своем труде «Иры истории» он дает такую характеристику древней религии, ее нравственных и

обрядовых особенностей: – «Риг-Веды зарджытæй зыны, рагон ир дуне Сфæлдисæг Хуыцауыл кæй уырныдтой, æмæ уый йæ тыхæй тых кæй дæтты уæларвон дзуæрттæн, уырныдта сæ, удæн мæлæт кæй нæй, уый царды цæхæр у æмæ уæларвæй зæхмæ маргъау æртæхы, стæй фæстæмæ стæхы æмæ, йæ хъуыддæгтæм гæсгæ, йæ рухс дзæнæтмæ бацæуы, йæ сау зындонмæ – иу дзырдæй, лæг йæ мæлæты фæстæ йæ зæххон царды тыххæй дзуапп ратты, æмæ цы аккаг вæййы, уый ссары. Уырныдта сæ: лæг зæрдигæй куы скува, уæд йæ куывд уæларвмæ хæццæ кæны, æмæ табу кæнгæйæ куывтой дуне Сфæлдисæг Хуыцаумæ, рухс уæларвон дзуæрттæн нывæндтæ хастой, фæлæ къухæй конд гуымырытæн нæ куывтой, сауджынтæ нæ дардтой, аргъуантæ нæ кодтой, куывтой уæлхох цъæх нæуытыл кæнæ хъæды аууон рæсугъд рæтты» [4, 94] («Как повествуют гимны Риг-Веды, древние иры верили в Единого Бога-Творца. Что небесные духи есть частицы его духовной силы; что душа бессмертна, она искра жизни, и прилетает как птица на землю с тем, чтобы затем улететь, и в соответствии с земными делами, или войти в светлый рай, или в черный ад – одним словом, человек после смерти отвечает за свои поступки, и ему воздается по делам его. Верили, что если молитва человека чистосердечна, то достигает небес, и они молились Богу-Творцу Мира, приносили жертвы светлым небесным духам, но не поклонялись рукотворным идолам, не держали священников, не строили храмов, молились на полянах горных вершин, или в красивых тенистых рощах» (здесь и далее перевод наш – С.А.)).

Социальный космос предков осетин созидался на этой религиозной «матрице» – и традиции солидарности, и даже формы государственности. Являясь источником силы и крепости народа, сплоченность и единство помогали предкам осетин – аланам одолевать самых могучих врагов – повелителей древнего и средневекового мира. Самобытная государственная традиция основывалась на духовно-религиозных основаниях этнической социальной культуры и сохранялась на протяжении всей национальной истории. – «Ир æрцарæзтой ахæм паддзахад, цагъарадæн бынат кæм нæ уыди, фæлæ сæ хъуыддаг иу фæндыл кæй фæрцы цыди» [4, 109] («Предки осетин создали такую государственность, где не было места рабству и неравенству, но в то же время обеспечивалось единство народа»). Но как только исчезало это духовное наполнение государственной жизни и случалась утрата солидарной общественности, начинались военные поражения, исторические катастрофы и трагедии.

Но самым разрушительным для единства общества явлением историк-просветитель считал корыстолюбие и страсть к обогащению, охватывавшие в определенные исторические периоды все общество или его часть. Такая практика, как военное наемничество, получившая в средневековье широкое распространение у алан, изнутри разлагала общество, став источником его слабости и распада.

Охваченное страстью к деньгам общество забывало о своих духовно-религиозных потребностях, слабело и становилось легкой добычей врагов. – «Æхца сси иры хуыцау уыцы рæстæджы, æмæ фылдæр æхца чи лæвæрдта, уымæн уæй кодтой сæ хъару, сæ уд... Æнахъаз искæй тыххæй сæ туг уадзгæйæ, иры тых уæдмæ байсысти... æмæ сæхи хъахъхъæнын нал бафæрæзтой» [4, 113] («Деньги стали богом предков осетин в это время, и кто платил больше, тому и продавали свою силу, свою душу... В боях за чужие интересы силы их истаяли, и они не смогли защитить себя...»).

В период исторической слабости, средневековой раздробленности, упадка, зависимости от сильных соседей, древняя религиозная традиция не давала осетинскому народу упасть духом, поддерживала в нем мечту о другой, свободной жизни. Эта мечта и привела Осетию в Новое время к союзу с Россией, открыла перспективы для развития и просвещения. – «Фæлæ мæнæ ныр, фондзыссæдз азы хъазуатæй куы сулæфыдысты, хæхтæй быдырмæ се 'рдæг куы рацыди, фæллой кæнын амал сын разынди, уæд ногæй сæхиуыл схæцынц, азмæлын сæ цы нæ уадзы, уыцы рæхыстæ (талынгдзинад, мæгуырджинад, цагъарджинад) фæтонынц, ахуырджинадæй рухс фæндагыл слæууынц, разæйдзог дзыллæты сæййафынц. Афтамæй ныртæккæ дæр æвдисынц, сæ удыхъæд, сæ зонды конд, размæтындзæг, рухсагурæг кæй сты» [4, 134]. («И сейчас, когда осетины вздохнули от многолетних войн, когда половина населения Осетии выселились с гор на равнину, появились все возможности для труда и созидания – народ воспрянул, и стало очевидным то, что не дает Осетии развиваться; эти цепи (неграмотность, бедность, социальное неравенство) будут разорваны, благодаря образованию появится возможность догнать передовые народы. Осетины и сейчас демонстрируют свою стойкость, свое стремление к развитию, просвещению»).

Заключение

В интеллектуальном пространстве Осетии труды А. Гатуева, А. Кодзаева и С. Темирханова выступали как альтернативные, полемизирующие, предлагавшие различные концепции истории Осетии, различное видение религиозного ядра народной идентичности, основы социального сплочения и развития. В то же время монотеистическая основа религиозных традиций, идеи братства, добра, достоинства человека, его ответственности перед Богом, подчеркнутые историками-просветителями, содержали потенциал взаимодействия, взаимопонимания и диалога. Осетинская христианская историография закладывала уважение прав народа на трансляцию древней аланской православной традиции. С другой стороны, определение в основе «народной» религии изначальной иранской монотеистической идеи давал шанс на ее бесконфликтное соединение с православием (что и происходило в истории), ибо исключение из систе-

мы народных верований любого из ее «несущих» составных компонентов означало бы нивелирование тысячелетней культуры осетинского народа.

Особо отметим, что первые осетинские историки не случайно подчеркивали в истории Осетии наличие традиций солидарности, единения, сплоченности, воспитываемые христианством и «народной» религией. Это было востребовано общественным сознанием молодой формирующейся нации, столкнувшейся с деструктивными, атомизирующими социум тенденциями рыночной реальности начала XX в.

Труды первых осетинских историков-просветителей свидетельствуют о зрелости исторического сознания осетинского народа, демонстрируют глубину и разносторонность историко-культурных потребностей гражданского общества Осетии начала XX в.

---

1. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ: Типография В.П. Провирнина, 1901. 118 с.

2. Кодзаев А. Древние Осетины и Осетия. Владикавказ: Типография Р. Сегал и С-вья, 1903. 108 с.

3. Алексей Гатуев, протоиерей. Христианство в Осетии. Исторический очерк / сост., ред. А.А. Горобец. Владикавказ: Олимп, 2007. 176 с.

4. Темирханты С. Иры истори. Радзырдтæ, таурæгътæ, аргъæуттæ, зарджытæ, очерктæ, фыстæджытæ / сост. Сагутонова Т.Н. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1994. 166 ф. (на осет. яз.).

5. Гостиева Л.К. Из истории создания книги «Древние осетины и Осетия» (1903) А.Н. Кодзаева // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. №1. С. 17–22. DOI: 10.46698/VNC.2022.32.20.001

6. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.

THE BEGINNING OF OSSETIAN HISTORIOGRAPHY: IDENTITY AND INTERRELIGIOUS DIALOGUE.

Aylarova, Svetlana A. – doctor of historical sciences, chief researcher, professor, history department, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-5098-5077>; aylarova54@mail.ru

Keywords: North Caucasus, Ossetia, Ossetian historiography, cultural identity, interreligious dialogue.

The article is devoted to the analysis of Ossetian historiography of the early 20th century. The focus is on the historiographical debate about the spiritual basis of the historical path traversed by Ossetia, about its religious identity. Within the framework of two discourses – Orthodox Christian and “traditional folk” – the first historians affirmed religious values in modern Ossetia and sought to rely

on the creative principles of social cohesion. In their pursuit of European and Russian integration of society, educators relied on different aspects of the national tradition and presented different forms of cultural and historical identification. Christian historians A. Gatuev and A. Kodzaev presented a holistic picture of the history of Christianity among the Ossetians and their ancestors, and stated the antiquity of Ossetian Christian history and traditions. S. Temirkhanov insisted on the monotheistic basis of the ancient "folk" religious tradition, Indo-Iranian in its origins. This tradition, in his opinion, formed the foundation of ethnic individuality and formed the core of the value world of Ossetians. The first Ossetian historians emphasized in the history of Ossetia the traditions of solidarity and unity, fostered by Christianity and traditional religion. This was in demand by the public consciousness of the emerging nation, which was faced with the destructive, atomizing tendencies of market reality. The very formulation of the problem of religious and cultural identity was a reaction of Ossetian socio-historical thought to the objective processes of world modernization and globalization that took place in the 19th - 20th centuries and the contradictory participation of Ossetia and the North Caucasus in them. The works of historians and educators testify to the maturity of the historical consciousness of the Ossetian people, demonstrate the depth and versatility of the historical and cultural needs of the civil society of Ossetia at the beginning of the 20th century.

For citation: Aylarova, S.A. The beginning of Ossetian historiography: identity and interreligious dialogue. KAVKAZ-FORUM. 2023, iss. 16 (23), pp.36-47. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.001

References

1. Gatuev, A. *Khristianstvo v Osetii* [Christianity in Ossetia]. Vladikavkaz, Tipografiya V.P. Prosvirnova, 1901. 118 p.
2. Kodzaev, A. *Drevnie Osetiny i Osetiya* [Ancient Ossetians and Ossetia]. Vladikavkaz, Tipografiya R. Segal i S-v'ya, 1903. 108 p.
3. Gorobets, A.A. (ed., red.). Aleksii Gatuev, protoierei. *Khristianstvo v Osetii. Istoricheskii ocherk* [Christianity in Ossetia. Historical essay]. Vladikavkaz, Olimp, 2007. 176 p.
4. Sagutonova, T.N. (ed.). Temirkhanty, S. *Iry istori. Radzyrdtæ, tauræg"tæ, arg"æuttæ, zardzhytæ, ocherktæ, fystædzhytæ* [History of Ossetia. Stories, legends, fairy tales, songs, essays, letters]. Dzæudzhykh"æu, Alanyston, 1994. 166 p. (In Ossetian).
5. Gostieva, L.K. *Iz istorii sozdaniya knigi «Drevnie osetiny i Osetiya» (1903) A.N. Kodzaeva* [From the history of the creation of the book "Ancient Ossetians and Ossetia" (1903) A.N. Kodzaeva]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Vestnik Vladikavkaz Scientific Center]. 2022, vol. 22, no. 1, pp. 17–22. DOI: 10.46698/VNC.2022.32.20.001
6. Kuznetsov, V.A. *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV veka* [Christianity in the North Caucasus until the 15th century]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 159 p.